

Семантика имен качества, с одной стороны, определяет их синтаксические свойства. Для реализации каждого семантического значения имеется своя модель, выполняющая определенную функцию, например, для соотнесения их с именем предмета, для сообщения об их каузативной роли, для сообщения о причинно-следственной соотнесенности разных признаков между собой и т. д.

С другой стороны, семантические и синтаксические признаки у этого подкласса имен существительных чаще могут расходиться: эти признаки вступают в противоречие, равновесие нарушается³.

Семантический анализ простых предложений, необходимый для понимания информативного содержания предложения, особенно важен для контрастивного описания языков и преподавания русского языка как иностранного.

¹ См.: Шмелев Д. Н. Синтаксическая членность высказывания в современном русском языке. М., 1976.

² См.: Русская грамматика. 1980. Т. 1. С. 462.

³ См. также: Всеволодова М. В., Яценко Т. А. Причинно-следственные отношения в современном русском языке. М., 1988.

И. Н. СОФРОНОВА

ИДИОСТИЛЬ КАК ПРОБЛЕМА ЛИНГВОСТРАНОВЕДЕНИЯ

Идиостиль любого национального писателя неизбежно реализует в себе не только собственно языковые, но и общекультурные особенности того этнического ареала, в который входит данный писатель как языковая личность. Обращение лингвистической мысли к языковой личности не является случайным, а имеет эволюционно-гносеологические и конкретно-аналитические предпосылки¹. Вопрос о языке писателя стоял, в частности, в центре лингвистической концепции К. Фосслера, рассматривавшего язык как продукт индивидуального творчества². В силу субъективизма своего метода исследования глава школы эстетического идеализма постулировал лишь факт творческого самовыражения индивида, создающего тексты на языке в той или иной форме. Такая концепция творческой личности оказалась односторонней, поскольку в своем стремлении решить проблему «писатель — текст» не учитывала соотношения «текст — читатель».

Любой текст можно считать условно открытой структурой, получающей завершение лишь в процессе ее восприятия соответствующим адресатом. В частности, текст литературно-художественного произведения полностью завершается после прочтения его читателем. Таким образом, процесс художественной коммуникации, выступающий как триада «писатель — текст — читатель», предполагает *n* прочтений художественного текста в зависимости от количества читателей. Включение читателя в исследование языка художественной литературы характерно для трудов В. В. Виноградова, которому принадлежит особая роль в возрождении интереса к языковой личности в отечественной филологии³.

Идеи В. В. Виноградова в настоящее время активно развивает в своих работах Ю. Н. Караулов, который обращается к проблеме соотношения автора и читателя в процессе художественной коммуникации, решая вопрос о роли прецедентных текстов в структуре языковой личности⁴. При этом результаты ментальной деятельности человечества, объективированные в художественном тексте в виде цитат, эпиграфов и различного типа аллюзий, становятся основой для рассуждений о сферах автора и читателя и их взаимодействии в процессе художественной рецепции. Обращение к тем или иным прецедентным текстам позволяет судить о широте тезауруса автора, а их выявление и осмысление в новом контексте зависит от широты тезауруса читателя. В то же время «знание прецедентных текстов есть показатель принадлежности к данной эпохе и ее

культуре, тогда как их незнание, наоборот, есть предпосылка отторженности от соответствующей культуры»⁵. Таким образом, глубина прочтения произведения в целом зависит от степени совпадения тезаурусов автора и читателя. Именно поэтому для исследований языка художественной литературы особенно важна прагматическая направленность, учитывающая интересы читателя и способствующая успеху художественной коммуникации, когда осуществляется подлинное сотворчество автора и читателя. При этом постижение творческой личности писателя в полной мере происходит в процессе продуманного филологического чтения.

Поскольку за каждым текстом стоит определенная языковая личность, владеющая соответствующей системой языка (Ю. Н. Караулов), идиостиль писателя-билингва всегда отличается включением культурного компонента, принадлежащего другому языковому коллективу, вследствие чего художественный текст такого автора можно представить в виде многослойной структуры, организация которой усложнена особым полем, где взаимодействуют различные культурные парадигмы. При этом характер сочетания элементов двух национальных культур на фоне традиций мировой общечеловеческой культуры в творчестве одного писателя выявляет как объем авторского тезауруса, так и важнейшие глубинные показатели идиостиля.

Все это следует учитывать в практической работе с художественными текстами писателей-билингвов на русском языке, особенно в иностранной аудитории. Сама по себе специфика восприятия текста на неродном языке обусловлена различием пресуппозиций — и шире — тезаурусов автора и читателя, которое определяется прежде всего социально-историческими чертами национальных культур. Информационное неравенство, порожденное недостатком страноведческих фоновых знаний, значительно затрудняет восприятие текста иностранным читателем, а отсутствие таких знаний либо ведет к переосмыслению текста в соответствии со своей культурной традицией, либо делает художественное восприятие невозможным. Если воспринимаемый текст на русском языке принадлежит писателю-билингву, то иностранный читатель одновременно включается как минимум в две незнакомые ему культурные парадигмы, что еще больше осложняет процесс художественной коммуникации, увеличивая информационное неравенство автора и читателя. Для того чтобы облегчить восприятие таких текстов, необходимо помочь читателю-иностранцу (как, впрочем, и носителю языка) проникнуть в пресуппозицию автора, что можно осуществить на основе знакомства с затекстом произведения до момента его восприятия. При этом следует дать предварительные сведения об авторе и используемом им методе художественного воспроизведения действительности, о теме произведения и его героях, о форме и композиции текста, а главное — об основных чертах тех национальных культур, к которым принадлежит творчество рассматриваемого писателя-билингва.

Так, например, национальное творчество на русском языке обусловило специфику идиостиля белорусского писателя А. Адамовича, поскольку «русский язык у национального писателя способствует формированию новых художественных приемов... что иногда ведет к преодолению и трансформированию задач, стоящих перед автором»⁶. Однако историческое родство русской и белорусской культур определило не трансформацию национальной традиции в творчестве А. Адамовича, а ее органическое слияние, взаимодействие с русской традицией в русле мировой духовной культуры.

А. Адамович свободно оперирует понятиями различных культурных парадигм, выстраивая их в единый смысловой ряд. Такое обращение к общечеловеческим духовным ценностям нашло наиболее яркое художественное выражение в его повестях «Каратели» и «Последняя пастораль», где широко используются историко-документальные, филологические и библейские цитаты и аллюзии, а также содержательные в культурно-смысловом отношении эпиграфы. При этом заметной особенностью твор-

ческого почерка писателя становится опора на документ, имеющая истоки в белорусской национальной традиции («Комаровская хроника» М. Горещкого)⁷. В то же время введение документальных сведений в ткань художественного произведения характерно и для русской литературы, например, для творчества Ф. М. Достоевского⁸. Опора на традиции двух национальных литератур позволила А. Адамовичу создать особый тип текста, отличающий идиостиль писателя, — смешанный или художественно-документальный, одновременно имеющий публицистическую окраску.

Идиостиль А. Адамовича отличается ассоциативностью, что связано с особым характером аллюзий, которые способны создавать широкие ассоциативные поля, втягивающие в себя эпиграфы и цитаты. Поэтому анализ текстов А. Адамовича в иностранной аудитории требует кропотливой работы над «чужим словом», которому соответствуют различные культурные контексты. Например, в «Последней пасторали» только на уровне эпиграфов трижды актуализируются смыслы, связанные с концептуально значимой идеей автора о ненасилии и несколько трансформируемые в зависимости от того культурного контекста, к которому принадлежит текст-источник эпиграфа. Хронотоп (пространственно-временной континуум) текста отражает истоки и развитие мысли о непричинении вреда человеку человеком от древнеиндийской ахимсы к христианскому «не убивай» и гражданскому неповиновению Г. Торо, чье имя вызывает ассоциации с непотворением злу Л. Толстого и движением «Сатьяграха» М. Ганди. Происходит пересечение различных ассоциативных полей, центрами которых выступают соответствующие эпиграфы из библейских и древнеиндийских текстов, а также произведения Г. Торо. Такая удивительная любовь к миру и человеку, пронизывающая все произведения А. Адамовича, соответствует и русской культурной традиции, так как нравственные идеалы Древней Руси помогали русскому народу «смотреть на мир и действовать с любовью и добротой к людям, отвращаясь от всякого насилия»⁹.

В целом активное обращение к культурному опыту человечества посредством введения библейских, мифологических, литературных цитат и аллюзий, а также при помощи включения в текст соответствующих эпиграфов придало последним произведениям А. Адамовича характер притчи, что позволило писателю проанализировать события современной истории на фоне всеобщей истории человечества, осуществляя связь эпох и культур. Следует также подчеркнуть, что наличие различных культурных парадигм в тезаурусе автора является основой глубокого вертикального контекста его произведений.

Идиостиль А. Адамовича позволяет говорить о высокой художественной культуре автора, отражающей триединство национального, русского и общечеловеческого элементов в тезаурусе писателя, при котором «понятие национального духовного достояния, родного для писателя, выступает в неразрывной связи с духовным миром иной нации»¹⁰ и культурным наследием всего человечества.

Таким образом, в практической работе над художественным произведением необходимо учитывать, что генетическая природа, выбор и соотношение элементов текстовой структуры определяются особенностями тезауруса писателя, вследствие чего национальное творчество на русском языке имеет свою специфику в характере средств художественного выражения. Именно поэтому «проблема языковых особенностей произведений писателей национальных литератур (прежде всего в тех случаях, когда писатель сам создает текст на русском языке) является и лингвострановедческой проблемой»¹¹.

⁷ См.: Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987.

⁸ См.: Фосслер К. Позитивизм и идеализм в языкознании // Звегинцев В. А. История языкознания XIX—XX веков в очерках и извлечениях. М., 1964. Ч. I; Звегинцев В. А. Эстетический идеализм в языкознании. М., 1956.

- ³ См.: Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. С. 27 и далее.
⁴ См.: Караулов Ю. Н. Из опыта реконструкции языковой личности // Литература. Язык. Культура. М., 1986; Он же. Русский язык и языковая личность.
⁵ Там же. С. 216.
⁶ Михайловская Н. Г. О проблемах художественно-литературного двуязычия // Вопросы языкознания. 1979. № 2. С. 63.
⁷ См.: Дедков И. Обновленное зрение. М., 1988. С. 218.
⁸ См.: Холшевников В. Е. О литературных цитатах у Достоевского // Вестник ЛГУ. Сер. истор., яз. и литерат. 1960. Вып. 2. № 8. С. 136.
⁹ Лихачев Д. С. Заметки о русском. М., 1984. С. 37.
¹⁰ Михайловская Н. Г. О проблемах художественно-литературного двуязычия. С. 62.
¹¹ Кулибина Н. В. Методика лингвострановедческой работы над художественным текстом. М., 1988. С. 31.

Н. П. АНТРОПОВ, И. М. СУХОВИЦКАЯ
ЭТИМОЛОГО-ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ
К НЕКОТОРЫМ ТЕРМИНАМ
СЕРБСКОЙ СВАДЕБНОЙ ОБРЯДНОСТИ

Славянский свадебный обряд имеет богатую терминологическую систему. Ее разветвленность достаточно показательна: она свидетельствует о древности свадебного обряда и практически полном отсутствии запретов на номинации тех или иных обрядовых действий или участников — свадебных чинов (в отличие, например, от погребального).

Традиционная сербская свадьба разыгрывается как спектакль, в котором «каждый имеет свое имя и должность сватовскую знает» (Вук Караджич). Терминологические сетки свадеб различных ареальных образований Сербии частично совпадают. Как указывает Н. Бегович в монографии, посвященной жизни и обычаям сербов-границар, свадебные обычаи у целого народа различны в проведении, но в основе своей они одинаковы, потому что тождественна материя, их составляющая¹. Главные действующие лица: жених и невеста, кум — глава и распорядитель свадьбы, священник, скрепляющий брак. Это ядро, к которому можно добавить еще несколько чинов, обязательно присутствующих на сербском свадебном торжестве — **првенец**, **стари сват**, **дјевер**, **барјактар** (знаменосец). Кроме того, можно выделить определенные этапы свадебного обряда, зафиксированные и в Воеводине, и в Западной Сербии, и по течению Моравы: сватовство, сговор, обмен дарами, венчание, хождение молодой по воду. Однако, анализируя сербские этнографические сборники, можно обнаружить реалии и лексику, соответствующие лишь определенным районам Сербии. Существенные различия в свадебном обряде наблюдаются даже в близко расположенных этнокультурных ареалах (например, район Алексинаца и Лесковца), где для называния персонажей, тождественных по функциям, могут использоваться различные лексемы. Так, в селах к западу от Моравы, четвертый по значению свадебный чин — **воевода**². Им обычно бывает зять от дома жениха, в обязанности которого входит занятие гостей, руководство дарами, объявление приказов. На востоке от Моравы **воеводу** не знают, а схожие функции здесь выполняет **чауш** 'гвардеец; начальник охраны'³. Согласно Л. Мичовичу, **чауш** — это тот среди сватов, кто своими шутками должен привлекать внимание, чтобы уберечь остальных сватов от сглаза⁴. Подобные расхождения достаточно часты. Этимолого-этнолингвистический анализ такой лексики в рамках отдельного славянского лингвоэтнографического фонда неизбежно приводит к соответствующим типологическим параллелям с обрядовой терминологией других славянских народов, что принципиально важно для изучения метаязыка славянской духовной культуры вообще.

В настоящей работе авторы не ставили своей целью охватить всю сербскую свадебную терминологию, имея в виду подробно остановиться на некоторых существенных этнолингвистических единицах.